

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Серия «Политология. Религиоведение»

2009. № 1 (3). С. 244–250

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 1:2

Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

e-mail: arzmanov@mail.ru

В статье с позиций комплексного историко-культурного и философско-религиоведческого подходов рассматриваются проблемы интеграции социополитического пространства Байкальской Сибири. Анализируются инновационные составляющие этих процессов в религиозном пространстве региона. Отмечается, что задачи сохранения этнодифференцирующего и этноконсолидирующего факторов – традиционной духовной культуры – выдвигаются в качестве одних из основных контраргументов процессам объединения субъектов федерации на современном этапе.

Ключевые слова: религиозная культура, культур-конфессиональный фактор, буддизм, шаманизм, православие, сепаратизм.

В полиэтноконфессиональном составе Байкальского региона две мировые религии: христианство и буддизм (в его центральноазиатской форме – ламаизме, или «желтой вере») исторически являлись определяющими в процессах формирования этноконфессионального поля и центральноазиатской политики России в период XVII–XX вв. С позиций культурологической парадигмы религия в своих предельных конфессионально-ценностных установках определяет мировоззренческие приоритеты и духовно-культурные формы существования людей, народов, цивилизаций, государств, этнических и суперэтнических целостностей – тех или иных субъектов социополитического пространства. Историко-культурный ландшафт той или иной территории свидетельствует о структуризации данного пространства субъектами геополитики, предопределяющими не только структуру политической истории, ее течение, но и тип ее культурно-цивилизационной, в том числе и государственно-политической, принадлежности. Исходя из принятой концепции социального пространства, мы можем говорить о пространстве православной культуры, культуры ислама, буддистской или автохтонной, в совокупности имеющих полевою природу взаимодействия. В социальном поле взаимодействие

мировоззренческих приоритетов в своих ценностных приоритетах проектируется в социополитическое пространство.

Реконструкция социополитического пространства – укрупнение регионов стала одной из основных в политической жизни постперестроечной России. В российских СМИ анализ «объединительных» положений, как правило, ограничивается экономико-правовыми аспектами. В связи с этим приходится отмечать почти полное отсутствие попыток осмысления роли религиозного фактора в данных процессах, напрямую затрагивающих интересы целого ряда этноконфессиональных групп регионального социума. Данное положение находит свое прямое подтверждение в «аргументах и фактах» со стороны оппозиции объединительным процессам. Задачи сохранения этнодифференцирующего и этноконсолидирующего факторов – традиционной духовной культуры – выдвигаются в качестве одних из основных контраргументов процессам объединения субъектов федерации. Данная проекция отмечалась и накануне референдума по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, проведенного в апреле 2006 г. Характер и уровень обсуждения объединительного процесса в Предбайкалье сам по себе очень показателен. Он, прежде всего, иллюстрирует то, что процессы объединения Усть-Орды и Иркутска увязываются не только с общепурятскими проблемами этногенеза, но и со сценарными вариантами его этнополитической реализации. Например, представители бурятской молодежи из Улан-Удэ в открытом письме к В. В. Путину высказались за «воссоединение народа в рамках единой национальной автономии – Республики Бурятия» и выразили свою обеспокоенность тем, что сохранение бурятского языка и культуры в условиях отсутствия национально-государственной автономии практически невозможно, поэтому «усть-ордынские буряты могут очень скоро забыть свои корни» [5].

В этой связи стоит упомянуть и об идее «восстановления Бурят-Монгольской республики в границах 1927 г.» (Усть-Орда, Агинское, Бурятия), которая может вступить в противоречие с идеей объединения Иркутской области и стать ее неприятной альтернативой. Идеи о «территориальной реабилитации» бурятского народа и возвращении названия «Бурят-Монголия» в 90-е гг. активно продвигал Конгресс бурятского народа [1; 2; 6]. Необходимо учитывать тот факт, что ряд общественно-политических организаций, созданных в 90-х гг. XX в. (и прежде всего Конгресс Бурятского народа, Всебурятская ассоциация развития культуры), процессы возрождения национального самосознания напрямую связывают и с процессами возрождения традиционных религиозных форм культуры – прежде всего ламаизма как этноконсолидирующего, национальнообразующего фактора.

Параллельно идут процессы возрождения автохтонной религиозной традиции – шаманизма, на протяжении многовековой истории являющегося объектом миссионерских усилий как со стороны христианства, так и буддизма. С 90-х гг. 20-го столетия, при активном участии эмиссаров из Тибета, создается ряд параллельных российским общинам, «Дхарма-центров» – активно пропагандирующих ранее закрытые от широких масс верующих тантрические

формы учения буддизма Ваджраяны, предполагающего ускоренный метод достижения просветления – нирваны. В социокультурной страте популярной формы пропаганды учения доктринальная перестройка религиозного сознания адепта на конечное торжество буддизма сочетается с усилением включенности члена Сангхи (общины) в общественно-политические процессы. На день сегодняшний через ламаизм, утративший структурно-иерархическое единство, и Россия включается в сферу интересов тибетской государственности и, с учетом аннексии Китаем Тибета с 1951 г., становится латентным рычагом давления на Китай.

В рамках возрождения культурной традиции, кроме ламаизма, к консолидирующим факторам этногенеза бурят на современном этапе необходимо отнести и шаманизм. Формы его возрождения несут инновационный характер. По своей природе шаманизм «обслуживал» общинно-родовую сферу и был преимущественно направлен против «чужих» родовых культов. И, в связи с этим, создание в 90-х гг. общепурятских ассоциаций шаманов и шаманок расценивается как проявление «неошаманизма». Создание шаманских ассоциаций, с одной стороны, можно рассматривать в качестве оппозиционной рефлексии на миссионерскую практику ламаизма и соответствующие декларации Православной Церкви, а, с другой, – ответом на повышенный интерес к этнографическим пластам, инициированный, в том числе, и Западом, как в сценарных рамках этноэкологических программ, так и в правозащитных кампаниях по реабилитации «малых народов», рассматриваемых с «правозащитных» позиций в роли жертв российско-имперской унификационной политики. Принятый осенью 1997 г. Народным хуралом РБ Закон «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» называет шаманизм в числе четырех традиционных для Бурятии религий (помимо буддизма, православия и старообрядчества), берет под свою защиту священные культовые места: разрешает проведение на их территории определенных обрядов, но в свою очередь требует от шаманов регистрации их священных мест как особо охраняемых территорий.

О роли региональных подразделений РПЦ – епархий Иркутской и Забайкальской как стабилизирующем факторе этноконфессиональной ситуации в ее социополитическом ракурсе – приходится говорить только лишь как о возможной. Епархии не проявляют особой миссионерской активности, кроме финансово-хозяйственного свойства. При постоянном (и справедливом) декларировании культурно- и государствообразующей роли православия, практических шагов в ее реализации – активной миссионерской, просветительской деятельности не наблюдается.

Возникает явная апория между ролью Православной церкви в процессах формирования имперского пространства в дореволюционный период и на современном этапе. Историко-логический анализ процессов государственной структуризации религиозного пространства Восточной Сибири констатирует тот факт, что оно изначально формировалось под воздействием «предельных ценностей» мировоззренческого комплекса православия. Его статус, как и

статус двух других основных конфессиональных страт – ислама и буддизма, был закреплён соответствующими законодательными актами. Это, в первую очередь, Свод законов Российской империи, статья 42, принятая при Николае I, где православная церковь была объявлена «господствующей и первенствующей»; Величайше утвержденное положение Государственного совета от 1826 г. о льготах принявшим православие; Устав Всероссийского православного миссионерского общества [3, с. 138–150].

В данный период складывалась та структура религиозных институтов в российском социокультурном и социополитическом пространстве, которая определяет понимание их традиционности и в период XX–XXI вв. Рассмотрение специфики вероисповедной политики в Восточной Сибири в соотношении с общероссийской должно осуществляться с учетом того, что политика формировалась в контексте исторического процесса общегосударственного обустройства Сибири и Дальнего Востока. Социополитическая детерминированность еще в период XVII–XVIII вв. обусловила пространственно-территориальное определение регионального конфессионального пространства в рамках Центральноазиатского региона. Забайкалье – территория влияния не только Русской православной церкви и российского буддизма, но и традиционной мифорелигиозной системы – шаманизма. С историко-логических позиций, как отмечает Т. В. Ермакова, процессы христианизации либо ламаизации шаманистов напрямую задевали интересы царской администрации и влияли на практику управления краем [4, с. 29]. Укоренение ламаизма в бурятских племенах изначально было вызвано политическими причинами. С одной стороны, политика Цинской империи в отношении покоренной Монголии способствовала укоренению данной ветви буддизма в самой Монголии, а, с другой, имперская администрация России использовала стремительно укореняющийся ламаизм в целях политической консолидации бурятских родов Забайкалья [7].

Говоря о государственных императивах вероисповедной политики России XVIII–XX вв. в контексте этнокультурной специфики Восточной Сибири, необходимо отметить следующее. Геополитическая экспансия России имперского периода обусловила характер концептов вероисповедной политики, имеющих два основных вектора: западный и восточный. Переход к элементам цезарепапизма – подчинения духовной ветви власти ее государственному эквиваленту с середины XVII в. определил правовое положение религиозных институтов в рамках интегрирующего принципа «политической русификации» в сфере идеологического пространства.

Социокультурные и социополитические реалии имперского периода указывают на то, что миссионерская деятельность религиозных институтов рассматривалась в рамках идеологических детерминант. Само государство охраняло каноническую территорию внутренней миссии Русской православной церкви, жестко пресекая аналогичную деятельность среди православных представителей инославия и сектантства. Тем не менее, поскольку вопросы миссии касались проблем социополитической стабильности общества в ее

конфессиональной страте, то тактика имперской администрации предполагала корректировку доминантного положения православной миссии. Данные положения естественным образом определили в период XVIII–XIX вв. социокультурные, социополитические характеристики традиционализма российского религиозного пространства.

Появление и последующее укоренение в России религиозных инноваций иностранного происхождения, преимущественно протестантского и католического вероисповеданий, были обусловлены интересами безопасности страны, развития экономики и торговли, военного дела. В этих условиях объективный фактор полирелигиозности общества определял следующие методологические концепты вероисповедной политики России в Сибири:

- принцип социополитической и социокультурной унификации полиэтноконфессионального пространства – формирование конфессионально-институциональных доминант, определяемых фактором межцивилизационного трансграничья Центральноазиатского региона (Россия, Монголия, Тибет, Китай);

- принцип политической лояльности, опосредованный необходимостью включения в социополитическое пространство входящих в состав России народов, геополитическими императивами империи в Центральной Азии;

- принцип религиозной толерантности, зафиксированный в нормативно-правовом выражении – законодательных актах о веротерпимости; принципы государственного этатизма и административного императива в вопросах веротерпимости (основ толерантности), интерпретируемых автором в качестве методологического базиса при анализе государственных императивов вероисповедной политики XX – начала XXI вв.

Все эти методологические принципы свидетельствуют об одном: государство в своей вероисповедной политике акцентировало необходимость унификации духовного пространства, связывая данный фактор с политическими интересами. Характер взаимоотношений религиозных институтов и государства, сложившийся в начальном этапе имперского периода, в целом сохранился при его преемниках. Государственные императивы вероисповедной политики России в Байкальском регионе в отмечаемый период определяются общими задачами государственного обустройства в специфических геополитических условиях региона.

С позиций трансформированной имперской методологии, на данный момент в государстве отсутствуют унифицирующие социальное пространство культурологические доминанты. Декларируемая и чаемая общность экономического, информационного и политического пространства не несет в себе (при всей немаловажности данных пространственных проекций) цементирующего полиэтнический спектр общенационального начала. Что выделяет потенциальный этноконфессиональный сепаратизм в качестве одной из самых острых проблем России на современном этапе ее истории. Все вышесказанное лишь отчасти отражает весь спектр затрагиваемой региональной проблематики, частичный анализ которой приводит нас к следующим положениям:

– В зависимости от методологии государственного подхода религия может являться как этноконсолидирующим, так и этнодифференцирующим социополитическое пространство фактором.

– Порождаемые современным религиозным законодательством религиозный плюрализм и «духовный сепаратизм» имеют тенденцию к конечному своему статусно-политическому оформлению.

– На данном этапе формирование единого экономического и информационного пространства Байкальской Сибири проходит в отсутствие единой культурологической составляющей общегосударственной унификационной политики и в условиях «постперестроечных» трудностей традиционных религиозных систем.

– В связи с этим при выдвижении в качестве приоритетных геополитических доминант в их экономико-правовых проекциях необходимо ставить вопрос о государственном финансировании программ по сохранению и развитию национального языка и традиционных форм культуры.

В данных условиях встает вопрос об организации центра исследований трансформационных процессов в религиозном пространстве региона. Необходимость координации усилий по научно-академическому осмыслению религиозных процессов, происходящих в обществе, назрела и в силу того, что ни буддизм, ни православие, ни другие конфессионально-обусловленные религиозные движения не являются в социокультурной плоскости застывшей проекцией «славного» прошлого. К ним неприменимы мерки чисто историко-логического или социологического подходов исследования или прогнозирования. Задачи миссиологического порядка, стоящие перед конфессиональными институтами на современном уровне развития их социального масштаба, объективно касаются всех основных проблем государственной как внутренней, так и внешней политики, и имеют соответствующую методологию решения в имперский период российской истории. Этот опыт востребован и нуждается в осмыслении применительно к современным проблемам социальной и административной консолидации Байкальской Сибири.

Литература

1. Акция бурятской молодежи // Молодежь Бурятии. – 2005. – 2 февр. (№ 5).
2. Байкальский край – регион-призрак? // Центр. газ. – 2005. – 8 июня.
3. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1986.
4. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX вв. / Т. В. Ермакова. – СПб., 1998.
5. Махачкеев А. Молодые буряты обратились к Путину // Информполис. – 2005. – 26 янв.
6. Молодежь написала письмо Путину // СМ-Номер один. – 2005. – 23 февр. (№ 8).
7. НАРБ. Ф. 92 (Канцелярия кяхтинского градоначальника. Дело об отправлении корреспонденции в Пекин. За 1855–1856 гг.). Оп. 1. Д. 281. Л. 11.

Culture-confessional Factor in the Consolidation Processes of Sociopolitical Space of the Baikal Siberia

I. A. Arzumanov

The article examines the problems of integration of sociopolitical space of the Baikal Siberia from the points of complex history-cultural and philosophical-religious science approaches. The innovative components of these processes in the religious space of the region are examined. It is noted, that the goals of the preservation of ethnically differentiative and ethnically consolidative factors, i.e. the traditional spiritual culture preservation, are considered to be among the main counter-evidence to the processes of the today consolidation of the regions of the federation.

Key words: religious culture, culture-confessional factor, buddhism, shamanism, orthodoxy, separatism.

Арзуманов Игорь Аиотович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Иркутского государственного университета, e-mail: arzumanov@mail.ru